

ФИНТЕХ — КЛЮЧ К ФИНАНСОВОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ

Показано, что в условиях санкционного режима финансовую безопасность России нельзя понимать и обеспечивать без учета специфики формирования в начале 1990-х годов институтов рынка. Введение жестких санкций привели к разрушению, прежде всего, институтов обмена — капитала, денег и права, которые были привязаны к институциональной матрице Запада. Предлагается использовать инструменты ФинТеха для компенсации утраченных функций институтов обмена России и обеспечения тем самым финансовой безопасности страны.

Ключевые слова: финансовая безопасность; институты обмена; специфика их формирование в России; инструменты финансовых технологий.

Yu.M. Berezkin

FINTECH — THE KEY TO FINANCIAL SECURITY IN RUSSIA

It is shown that under the sanctions regime Russia's financial security cannot be understood and ensured without taking into account the specifics of the formation of market institutions in the early 1990s. The imposition of severe sanctions led to the destruction, first of all, of the institutions of exchange – capital, money and law, which were tied to the institutional matrix of the West. It is proposed to use FinTech tools to compensate for the lost functions of exchange institutions of Russia and thus ensure the financial security of the country.

Keywords: financial security; institutions of exchange; specifics of their formation in Russia; financial technology tools

Как понимается безопасность государства, в том числе финансовая

Безопасность долгое время – со времен В. Даля – понималось как «отсутствие опасности» [1]. Позже такая трактовка была дополнена «мерами по обеспечению защиты от опасностей» [2]. Существенно позже появились представления об экономической безопасности как отдельной составляющей государственной безопасности. Сущностные компоненты экономической безопасности были те же, только в сфере экономики. Считается [3], что понятие экономической безопасности впервые стало применяться на практике в США во время Великой депрессии («новый курс» Ф. Д. Рузвельта), а в теории – в Великобритании (теория экономического регулирования Дж. М. Кейнса).

Финансовая безопасность стала пониматься в качестве составного элемента уже экономической безопасности. Смыслы, вкладываемые в понятие финансовой безопасности государства, были те же, только применительно к составляющим финансовой системы [4]. В России о финансовой безопасности стали

писать [5; 6 и др.] лишь в 90-х годах XX века. И это было обусловлено проведением в России экономических преобразований, и особенно — после финансового кризиса 1998 г.

В отличие от западной, в российской литературе понятие финансовой безопасности в редчайших случаях связывается с работой институтов рынка. Автор знаком лишь с двумя работами [7; 8], в которых затрагивается институциональный аспект финансовой безопасности. Но, если в [7], хотя бы упоминается о двух уровнях институционального устройства (неформальные правила и формальные структуры нормативного регулирования финансовой деятельности), то в [8] и этого нет. В конце концов, у обоих этих авторов работа институтов сводится к функционированию нижнего, реализационного уровня понятия «институт». У всех остальных, пишущих о финансовой безопасности России, об институтах даже не упоминается. Между тем, с точки зрения автора, проблема работы российских институтов рынка в последнее время стала ключевой в обеспечении финансовой безопасности страны.

Современный институциональный контекст финансовой безопасности

Данный контекст связан со спецификой организации в начале 1990-х годов институтов рынка в России и нынешним их разрушением санкциями западных стран. Как представляется, без адекватного понимания данных процессов решить проблему финансовой безопасности страны практически невозможно.

Институциональный подход берет начало с ранних работ К. Маркса [9] и в дальнейшем получает развитие в трудах Дж. Коммонса [10], Р. Коуза [11], В. Дубровского [12], С. Чернышева [13; 14] и др. В рамках данного подхода, «институт» — это «ткань» общественных отношений, складывающаяся исторически в ходе совместной деятельности людей. На данный момент наиболее детальная типология институтов разработана С. Чернышевым [13, с. 326–327]. Экономические институты он сначала делит на три группы — 1) институты производства, 2) институты распределения и 3) институты обмена. А потом внутри каждой группы выделяет еще по три типа: в 1 группе — институты **суверенитета** (прикрепление к территории и идентичности), **потребностей** (регламентируют наборы допустимых в стране потребительских благ) и **способностей** (регламентируют стандарты квалификации и качества средств деятельности); во 2 группе — институты **ответственности** (кто за что отвечает), **полномочий** (кто какие полномочия имеет) и **обязанности** (приводит в действие законы, предписывающие, кто, что принудительно обязан делать, например, платить налоги и др.); в 3 группе — институты **права** (регистрация и удостоверения прав), **денег** (обеспечение средством обмена — деньгами) и **капитала**, или банкинга («размножение» денег с помощью механизмов кредитования).

В настоящее время институты задают устойчивость общества. При этом надо понимать, что институт — это не учреждение, которое можно учредить росчерком пера. Любой общественный институт — двухуровневая конструкция, имеющая: а) «невидимую» часть — нормы работы той или иной сферы деятель-

ности (например, финансовой), рефлексивно удерживаемую сознанием соответствующих профессионалов; б) «видимую» часть — реализационные механизмы конкретного института — набор учреждений института (конкретные банки, страховые компании, налоговые службы и другие учреждения финансовой сферы) [12; 15]. Институты должны быть укоренены в общественное сознание и деятельностную культуру людей [13; 12; 16]. Если институты по каким-то причинам ломаются (даже при сохранении их реализующих учреждений), общество начинает разваливаться, а производство деградировать.

Названные три группы институтов складывались исторически, как бы, надстраиваясь друг над другом. Эта идея впервые была сформулирована К. Марксом в «Немецкой идеологии» [9]. Там он, рассматривая исторические формы развития отношений собственности, выделил девять институциональных «этажей», следующих друг за другом формаций исторического развития способов производства [17, с. 394; 18, с. 21].

Исторически самые древние институты производства: **суверенитета, потребностей и способностей**. Эти институты наиболее укоренены в культурах разных народов до сих пор. Поверх них складывались институты группы распределения: **ответственности, полномочий и обязанностей**. У этих институтов тоже тысячелетняя история и очень глубокая укорененность в культурах народов. Наконец, третья группа институтов обмена — институты **права, денег и капитала** — наиболее молодая по историческим меркам. Она складывалась уже в достаточно обозримой истории. Нормы этих институтов в существенно меньшей степени смогли укорениться в культуре разных народов. Не сформировались они должным образом и в царской России. Это позволило большевикам за несколько лет их «зачатки» уничтожить и, по сути, исторически сделать «шаг назад» — к распределительным формам организации общества, получившим название «социалистические». В дальнейшем остановимся в основном на этой третьей группе институтов, поскольку она к финансовой безопасности имеет первостепенное отношение.

В начале 1990-х годов была сделана отчаянная попытка «вернуться в Историю» (М. Мамардашвили). Для этого надо было в короткий период «открывшегося окна возможностей» (Е. Гайдар) как-то выстроить в новых формах то, что порушила революция 1917 года. Реформаторы поступили просто: они выделяли (часто с помощью американских советников) конкретные институциональные механизмы, обеспечивающие осуществление тех или иных функций институтов рынка, учреждали соответствующие организации и ведомства и законодательно запускали их в работу.

Как строились институты рынка в пореформенной России

Что было сделано? В 1993 году приняли Конституцию РФ, которая запретила всякую идеологию, зафиксировала приоритет международного законодательства над российским и повторила часть западных норм по демократизации России. Годом ранее Россия вступила в МВФ и Всемирный банк, а также присо-

единилась к «Вашингтонскому консенсусу» [19, с. 50]. В соответствии с принципами Дж. Уильямсона (автора текста «Вашингтонского консенсуса») осуществили «шоковую терапию»: провели ваучерную приватизацию государственных предприятий; привязали эмиссию рубля к валютной выручке от экспортных товаров; учредили Московскую межбанковскую валютную биржу (ММВБ) и запустили в работу частично регулируемый плавающий курс рубля к доллару; объявили рынок саморегулируемым и ввели запрет на государственную поддержку хозяйствующих субъектов; максимально либерализовали движение капиталов [19, с. 50].

В СССР не существовало института капитала: на его уничтожение и была направлена революция 1917 г. Но, не имея верхнего институционального «этажа» — капитала, большевики не смогли сформировать и собственный институт денег. Известно, что советский рубль, введенный в обращение с 1929 года, нигде в мире не признавался за полноценные деньги, ибо львиная доля самых ценных благ, обращающихся на рынках мира (образование, здравоохранение, недвижимость и др.), была выведена из рублевого оборота. В его ареале были только так называемые «товары народного потребления» (и то не все). Это было, по сути, усовершенствованной формой распределительных карточек [16]. В новой России собственного института денег тоже не появилось. Как точно выразился В. Катасонов, ЦБ РФ стал выполнять функции «обменного пункта по перекрашиванию долларов в рубли» [20]. Введение в оборот российского суррогата денег сразу же вызвало катастрофу — инфляция 1992 г достигла невиданного уровня — 2508,85 % [21]. А это мгновенно привело к обнищанию большинства жителей России. Одновременно возникла узкая прослойка богатого населения России, завладевшая бывшими госпредприятиями. В таких условиях и формирование российского института права тоже оказалось под вопросом. То, что потом произошло с «Юкосом» и многочисленными другими частными активами, это многократно подтвердило.

Отмена государственной поддержки оказавшихся в труднейших условиях больших коллективов привело к слому и институтам распределения, игравших главенствующую роль в социалистической системе хозяйства. Распределительные институты полномочий и ответственности были сильно подорваны и ослаблены выстраиваемой администрацией президента «вертикали власти» [22]. Введение нерегулируемого рынка привело к тому, что стали рушиться самые древние и очень устойчивые институты производства. Многие бывшие советские производства разорились, не выдержав конкуренцию с западными аналогами — это напрямую ломало институт потребностей, который был укоренен в СССР. А появившаяся возможность закупать современные технологии на Западе, быстро разрушила советский институт способностей, не создав условий для становления рыночного.

Итак, как же можно представить институциональную матрицу, которая сложилась в России к началу введения западных санкций? Реализационные механизмы институтов обмена — низовая банковская система, ЦБ и правоохранные учреждения — работали к тому времени уже достаточно устойчиво. Между тем, они все «питались» институциональной «энергией» Запада. И это

таило «мину замедленного действия». Собственная институциональная «ткань» институтов распределения досталась России в наследство от Советского Союза. Но за годы реформ распределительные механизмы непрерывно менялись, подгоняясь под формируемую «вертикаль власти». В результате и «ткань» соответствующих институтов истончалась и рвалась, что опять же, рано или поздно, могло привести к разрушительным процессам. Наконец, институты производства за годы реформ оказались практически размытыми (кроме фундамента — института суверенитета), а их функции были замкнуты на институты обмена: как говорил Гайдар, «кому нужны ваши станки? Понадобятся — мы все за рубежом купим» [23].

Если задаться вопросом о причинах деформации институциональной матрицы, то ответ следует искать в особенностях проводимой в России с 1992 г политики «Вашингтонского консенсуса». На очень значимый аспект этой политики указывают О. Ананьин с коллегами в [24], приводя слова автора «Вашингтонского консенсуса» Дж. Уильямсона. Последний, отвечая на жесткую критику негативных результатов политики «Вашингтонского консенсуса», вынужден был сказать, что она «игнорировала институциональные реформы» [24, с. 20]. Вся эта дискуссия, проходившая в середине 1990-х годов, и приведшая к дискредитации бренда «Вашингтонский консенсус» и последующей отмене данного курса в странах Южной Америки и Азии, не коснулись Российской экономики вплоть до введения западных санкций. В результате «покоренная» матрица российских институтов рынка оказалась абсолютно не готовой к санкционному давлению такого масштаба, который последовал с 2022 г.

Санкционный режим в отношении России был введен сразу после присоединения Крыма в марте 2014 г. Но эти санкции носили в основном персоналистский характер. СВО поставила под вопрос устойчивость группы институтов обмена — капитала, денег и права, т.е. того, что и выстраивалось в РФ треть века. Ситуация с рыночными институтами в России усугублялась тем, что за годы рыночных преобразований институты рынка формировались главным образом за счет прямого заимствования западных институционализированных механизмов финансовой деятельности и «вживления» их в экономическую «ткань» России. А с началом СВО вводимые санкции эти «импланты» (к которым относились платежные системы Visa или MasterCard, быстрые платежи SWIFT, банковские кредиты и накапливаемые в странах Запада активы, международные логистические коридоры и др.), попросту, «выдергивают», делая рыночную экономику страны все более не институционализированной и, соответственно, малоэффективной. В считанные месяцы они были практически полностью разрушены: западные институты капитала и денег, питавшие российскую банковскую систему и крупные российские компании, были «отрезаны» от рынков России. Потеряны были около половины валютных резервов РФ и парализованы до 80 % ее зарубежных финансовых активов.

Институт права был практически дезавуирован: гигантские объемы зарубежной российской собственности арестованы или заморожены. Поскольку деятельностные структуры, обслуживаемые группой институтов производства,

были очень сильно завязаны на западные институты обмена (а последние «сло-мались»), они оказались в тяжелейшем положении: транзакции института способностей производить высокотехнологичную продукцию почти прекратились, грозя остановкой многих крупных производств. Были поставлены перед необходимостью пересмотра и устоявшиеся за последние десятилетия нормы института потребностей, диктующие населению, что и какого качества продукцию и услуги потреблять.

И встал во весь рост вопрос: что в ситуации разрушающейся матрицы российских институтов делать? Ибо общество не может сколько-нибудь долго существовать в неинституционализированном состоянии — распад неизбежен.

Почему ФинТех?

Ущерб, нанесенный санкциями институциональному устройству российской экономики, поставил под вопрос существование рынка в России, ибо широко используемый метафорический термин «рынок» означает ни что иное, как совокупность институтов обмена, надстроенных над институциональными структурами распределения и производства [13; 14]. Верхняя институциональная надстройка фактически и обеспечивает работу ниже лежащих структур «рыночным» способом. Если она в России худо-бедно работала примерно 30 лет, а потом буквально за несколько месяцев была «оторвана» санкциями от «материнских» институтов, то рыночные отношения неизбежно ломаются. И в этих условиях нужно срочно вводить в действие какие-то компенсационные механизмы. Или все в хозяйстве страны очень скоро просто остановится.

И возникает проблемный вопрос: чем можно заместить в России функции институтов обмена? Учредить росчерком пера отсутствующие институты невозможно (об этом уже говорилось выше), а исторического времени на их выращивание тоже нет. Но зато с 2008 г. на Западе и в Китае (а с 2015 г. — и в России [13; 14]) стали разрабатываться и практически использоваться новые финансовые технологии (ФинТех), позволяющие относительно быстро встроить компенсационные механизмы («финансовые протезы») в разрушенные институты рынка России. Что здесь имеется в виду?

Понятие «ФинТех» включает в себя три группы смыслов [17, с. 391–392]: 1) вместо денежных инвестиций добровольное соинвестирование материальных ресурсов, принадлежащих разным собственникам, в рамках совместных предпринимательских проектов (в англоязычной литературе это явление получило название Shared Investing); 2) выстраивание цепочек приращения добавленной стоимости таким образом, чтобы максимально снимались транзакционные издержки; 3) переход к третьему технологическому уровню — использованию «машин» Intangible, визуализирующих процессы создания стоимости, превращения стоимости в разные ее формы, накопления стоимости и ее передачу по назначению [14, с. 260].

На протяжении всех предсанкционных лет российская экономика была «подключена» к институту капитала Запада — дешевые кредитные деньги, регулярно получаемые в западных банках, позволяли их наращивать в России. На них

же на Западе покупались технологии и комплектующие для работы структур института способностей (группы институтов производства) и производить современную продукцию в ряде секторов экономики России. Дешевые деньги исчезли. ФинТех же позволяет возникшую проблему решать за счет выстраивания оптимальных цепочек приростов добавленной стоимости не только без использования денег, заимствованных на Западе, но практически без денег вообще. «Принцип добровольного доступа» (Access) к материальным активам разных собственников, зафиксированным в распределенных реестрах (Blockchain) специальных цифровых платформ (Digital Platforms), дает возможность обеспечивать рост капитала в разы быстрее, чем традиционными способами. И Китай, как никто другой, это демонстрирует уже второе десятилетие [13; 14; 15].

Как уже говорилось, российские структуры ЦБ и банковской системы РФ тоже были «вживлены» в западный институт денег. Санкционный отрыв этой «пуповины» поставил российскую банковскую систему на грань коллапса. Конечно, собственный институт денег необходимо выращивать. Но это — долгий процесс. Гораздо быстрее можно на базе ФинТеха локально использовать цифровые суррогаты денег (токены) в целях осуществления взаиморасчетов между участниками проектов соинвестирования материальными активами. В эти же процессы может быть достаточно легко встроен и цифровой рубль, который ЦБ РФ уже несколько лет разрабатывает и тестирует. Технические возможности для практического осуществления данной работы уже давно имеются. Дело, на мой взгляд, только за политической волей российской власти. Затягивание этих работ (а тем паче — отказ от них) неизбежно будет грозить сломом уже института суверенитета страны.

Список использованной литературы

1. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. [Электронный ресурс] <https://gufo.me/dict/dal/безопасность>.
2. Толковый словарь Ожегова. — URL: <https://gufo.me/dict/ozhegov/безопасность>.
3. Экономическая безопасность: учеб. пособ. / П.А. Кислощаев и др.; под ред. В.Ю. Бутова. — Чита : ЗабГУ, 2020. — 157 с. — URL: <http://escool.ru/images/upload/articles50/364.pdf>.
4. Воробьев Ю.Н. и др. Финансовая безопасность государства. — URL: <https://fbi.cfuv.ru/wp-content/uploads/2017/09/002vorobyev-1.pdf>.
5. Абалкин Л.И. Экономическая безопасность России: угрозы и их отражение / Л.И. Абалкин // Вопросы экономики. — 1992. — № 12.
6. Сенчагов В.К. О сущности и основах стратегии экономической безопасности / В. К. Сенчагов // Вопросы экономики. — 1995. — № 1.
7. Валитова А.С. Институциональный механизм обеспечения экономической безопасности страны. — <https://scienceforum.ru/2014/article/2014000931?ysclid=lw1kjvqwnn955452572>.

8. Чайка А.А. Обеспечение финансовой безопасности в зарубежных странах: организационно-институциональный аспект / А.А. Чайка. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obespechenie-finansovoy-bezopasnosti-v-zarubezhnyh-stranah-organizatsionno-institutsionalnyu-aspekt?ysclid=lw1k8we8oi303592075>.
9. Маркс К. Немецкая идеология / К. Маркс, Ф. Энгельс. — Соч. — 2-е изд. — Т. 3. — С. 7–544. — М.: Гос. изд-во полит. лит-ры, 1955. — 650 с.
10. Commons John R. Institutional Economics // *American Economic Review*. — 1931. — № 21. — p. 648–657.
11. Коуз Р. Природа фирмы. — С. 36–57. В сб.: Фирма, рынок и право / Р. Коуз. — М.: Новое издательство, 2007. — 224 с.
12. Дубровский В. Сферы массовой деятельности и институты / В. Дубровский. — С. 79–110 // *SUMMA METHODOLOGIAE*. — 2018. — Vol. 1. — February 2021: Publisher: Издательский дом «Корвус», Санкт-Петербург. Editor: Viacheslav Maracha, Valeriy Proskournin. — 223 с.
13. Чернышев С.Б. Иное: Письма о техноэкономике: науч.-худож. изд. / С.Б. Чернышев. — М.: Изд. Дом НИТУ «МИСиС», 2020. — 408 с.
14. Чернышев С.Б. Техноэкономика. Кому и зачем нужен блокчейн / С.Б. Чернышев. — М.: Политическая энциклопедия, 2018. — 391 с.
15. Березкин Ю.М. Институциональные проблемы проектного финансирования с позиций деятельного подхода / Ю.М. Березкин // *Известия Байкальского государственного университета*. — 2022. — Т. 32. № 1. — С. 37–66.
16. Попов С.В. Организация хозяйства в России / С.В. Попов. — Омск: «Курьер», 1999. — 288 с.
17. Березкин Ю.М. Ранний Маркс и современный «финтех» / Ю.М. Березкин // *Креативная экономика*. — 2019. — Т. 13. — № 2. — С 389-406.
18. Платонов С. После коммунизма / С. Платонов. — М.: Изд-во «Молодая гвардия», 1989. — 256 с.
19. Бабурина О.Н. Санкции и внешнеэкономическая стратегия России сквозь призму Вашингтонского и Пекинского консенсуса / О.Н. Бабурина // *Национальные интересы: Приоритеты и безопасность*. — 2015. — 23 (308). — С. 48–58.
20. Катасонов В. Миром правит тот, кто печатает деньги / В. Катасонов. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://pravoslavie.ru/73786.html>.
21. Инфляция в России в 1992 году. [Электронный ресурс] Режим доступа: https://www.google.ru/url?sa=t&rct=j&q=&esrc=s&source=web&cd=&ved=2ahUK Ewj3u5qUw5X4AhVwhosKHbLxBEsQFnoECAUQAQ&url=https%3A%2F%2Fwww.statbureau.org%2Fru%2Frussia%2Finflation%2F1992&usg=AOvVaw0oMjyfINEI_KyahohBISUr.
22. Воробьев Ю.Н. Федерализм и «вертикаль» власти в современной России / Ю.Н. Воробьев и др. // *Власть*. — 06'2008. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/federalizm-i-vertikal-vlasti-v-sovremennoy-rossii/viewer>.
23. Гайдар Е.Т. — URL: <https://zen.yandex.ru/media/war/da-komu-nujny-vashi-stanki-ponadobiatsia-kupim-slova-gaidara-v-91om-auknulis-spustia-29-let-5f8f62816dc8f92eda19580f>.

24. Ананьин О. Вашингтонский консенсус: пейзаж после битв / О. Ананьин, Р. Хаиткулов, Д. Шестаков // Мировая экономика и международные отношения. — 2010. — № 12. — С. 15–27.

Информация об авторе

Березкин Юрий Михайлович — д.э.н., профессор, главный научный сотрудник Лаборатории региональных экономических исследований, Байкальский государственный университет, г. Иркутск, e-mail: bym4@mail.ru.

The Author

Berezkin Yury Mikhailovich — Doctor of Economics, Professor, Chief Scientific Associate of the Laboratory of Regional Economic Studies, Baykal State University, Irkutsk, e-mail: bym4@mail.ru.